

МАЙ

1

Вторник, 3 мая

В начале мая в Шотландию наконец-то пришло лето. Слишком долго противилась зима, все цеплялась за землю своими ледяными пальцами. Весь апрель дули пронзительные северо-западные ветры, срывая лепестки с диких примул, иссушая ранние нарциссы, отчего их нежные золотистые венчики жухли и становились коричневыми. Вершины холмов покрылись ледяной коркой, в лощинах лежал глубокий снег, и фермеры, потеряв всякую надежду на свежую траву, вывозили на голые пастбища остатки сена и сгружали его под укрытие каменных изгородей, чтобы подкормить голодных овец.

Даже дикие гуси, к концу марта обычно улетавшие на свои арктические гнездовья, медлили с отлетом. Последние стаи улетали в середине апреля, из дальней выси еле слышалась их перекличка, а косяки казались плывущей в воздухе паутиной.

Но вот за одну ночь капризная природа смягчилась к Горной Шотландии. Задул южный ветер, неся с собой ласковое тепло, которым вся остальная страна наслаждалась уже несколько недель. Зазеленели луга и пашни, очнулись истерзанные колючими ветрами дикие вишни, осмелели и раскинули ветви в белом уборе. И тут же расцветились красками сады в усадьбах — жел-

тым цветом зацвел зимний жасмин, потянулись к солнцу лиловые крокусы, засинели махровые грозди гиацинтов.

Однако погода не меняла установившегося в жизни Вайолет Эрд порядка. Светило солнышко или лил дождь, каждое утро Вайолет Эрд отправлялась в деревню в магазин миссис Ишхак купить две пинты молока, номер «Таймс» и кое-какие продукты, необходимые для поддержания жизни пожилой одинокой дамы. Разве только в разгар зимы, когда наметало высокие сугробы, а по льду становилось опасно ходить, Вайолет, памятуя о том, что мужество начинается с осторожности, воздерживалась от этого путешествия.

Прогулка была не из легких. Добрых полмили крутого спуска по дороге, протянувшейся меж полей, которые когда-то были луговыми угодьями в Крое, поместье Арчи Балмерино; потом, на обратном пути, эти полмили оборачивались крутым подъемом. У Вайолет была машина, и она прекрасно могла бы прокатиться в деревню на ней, однако твердо верила: уж коли подкралась к тебе старость, берегись: стоит только начать пользоваться автомобилем для близких поездок, и ты пропала, собственные ноги перестанут тебе служить.

В долгие зимние месяцы Вайолет перед выходом основательно утеплялась. Обувалась в ботинки на толстой подошве, надевала шерстяные свитеры, непродуваемую куртку, шарф, перчатки, натягивала на уши теплую шерстяную шапку. Но сегодня она вышла в твидовой юбке и вязаном шерстяном жакете, с непокрытой головой. Светило солнышко, и от этого настроение у Вайолет было отличное, она чувствовала себя молодой и сильной, а поскольку сегодня она не напялила сто одежек, ей припомнилось детство: как приятно было стянуть с себя черные шерстяные чулки и подставить голые ноги прохладному ветерку.

В магазине собралось довольно много народу, и Вайолет пришлось подождать. Но она и не возражала, можно пока что поболтать с другими покупателями — а все они были ее знакомые, — подивиться на погоду, справиться у того-другого о здоровье матушки, полюбоваться на малыша, который заимел карманные деньги и вот никак не может решиться, какой же пакетик леденцов предпочесть. Он не торопится. Миссис Ишхак с улыбкой ждет. Но вот наконец малыш сделал выбор, миссис Ишхак кладет его покупку в бумажный пакетик и берет у него деньги.

— Не ешь все сразу, а то испортишь зубки, — предостерегает его она и поворачивается к Вайолет: — Доброе утро, миссис Эрд.

— Доброе утро, миссис Ишхак. До чего же приятный денек. Я глазам своим не поверила. Смотрю, солнышко светит.

Обычно миссис Ишхак, которую судьба занесла в эти северные края из солнечной Малави, облаченная в шерстяной вязаный жакет, с парафиновым обогревателем под прилавком, сжималась в комочек, едва только удалялись покупатели. Сегодня она явно повеселела.

— Надеюсь, холода не вернутся.

— Я тоже надеюсь. Наконец-то пришло лето. Спасибо, спасибо за молоко и газету. Эди просила еще купить полироль для мебели и бумажные салфетки. И прихватку-ка я полдюжины яиц.

— Не слишком ли тяжелая получилась корзина? Я могу прислать все с мистером Ишхаком.

— Спасибо большое, я справлюсь.

— Вы много ходите.

Вайолет улыбнулась:

— Но ведь это мне только на пользу.

И она с корзиной на руке пустилась в обратный путь в Пенниберн. Вниз по мостовой, мимо приземистых коттеджей с залитыми солнцем окошками и рас-

пахнутыми настежь дверями, чтобы в них свободно лился теплый, светлый воздух, и дальше в ворота усадьбы. Отсюда дорога снова пошла вверх. Дорога была их частная, построенная лордом Балмерино, и вела к заднему фасаду большого дома, а Пенниберн стоял на полпути, чуть в сторонке от дороги. К нему шла обрамленная буками прямая подъездная аллея. Какое это было облегчение — дойти до поворота и знать, что теперь уже не придется тащиться в гору. Корзина вроде бы потяжелела. Вайолет перехватила ее другой рукой и погрузилась в раздумья, чем же ей теперь заняться. Это был день, когда к ней приходила помогать Эди, а значит, ей самой нужно поработать в саду. Она совсем его запустила — все время было так холодно. Газон стоял унылый и замшелый. Надо бы прорыхлить его, чтобы вдохнул свежего воздуха, а розы подкормить компостом, она его приготовила, теперь оставалось только погрузить в тачку и разбросать по новой клумбе. Все это вполне приятные дела, и ей захотелось поскорее приступить к ним.

Вайолет ускорила шаг и тут-то и заметила, что перед входной дверью ее дома стоит незнакомый автомобиль. Кто-то к ней приехал, значит саду придется подождать. Гость. Какая досада! Но кто же это? С кем ей придется сидеть и разговаривать, вместо того чтобы поработать в саду?

Автомобиль — небольшой чистенький «рено» — ничего не сообщил ей о своем владельце или владелице. Вайолет вошла в дом через заднюю дверь, ведущую в кухню. Эди стояла у крана и наполняла водой чайник.

Вайолет водрузила корзину на стол.

— Кто? — беззвучно спросила она, предостерегающе приложив палец к губам.

Эди ответила так же неслышно:

— Миссис Стейнтон. Из Коррихила.

— Давно приехала?

— Только что. Я сказала ей, чтобы подождала. Она в гостиной. Как видно, хочет с вами о чем-то поговорить. — Эди повысила голос. — Делаю вам кофе, сейчас принесу.

Деваться было некуда, Вайолет направилась в гостиную. У окна залитой солнечным светом комнаты стояла Верена Стейнтон и смотрела на сад. Услышав шаги, она обернулась.

— Ах, Вайолет, тысяча извинений — явилась так неожиданно-негаданно! Я сказала Эди, что загляну в другой раз, но она заверила меня, что вы вот-вот вернетесь из деревни.

Верене еще не было и сорока. Высокая, стройная, всегда безукоризненно одетая. Это и поставило ее несколько особняком в местном обществе — здешние дамы в большинстве своем занимались хозяйством и не слишком заботились о своей внешности, на это у них не хватало времени. Верена и ее муж Энгус поселились в Коррихиле не так давно, лет десять назад. До того они жили в Лондоне, Энгус работал биржевым маклером, но, нажив порядочное состояние и порядком устав от вечной гонки и суеты, приобрел Коррихил, поместье в десяти милях от Страткроя, переехал в него вместе с женой и дочерью Кэти и стал подыскивать более спокойную работу. Кончилось тем, что он принял на себя руководство компанией в Релкирке, которая торговала лесом и пришла в упадок. Энгус превратил ее в процветающее и прибыльное предприятие.

Что же касается Верены, то она тоже не сидела без дела и занялась туристским бизнесом. В летние месяцы туристическое бюро «Туры по Шотландии» доставляло в шотландскую глубинку автобусы с американскими туристами и устраивало их на постой в качестве платных гостей в респектабельные частные дома, специально подобранные для этой цели. Изабел тоже включилась в это дело. Надо сказать, это был нелегкий труд.

Вайолет просто не представляла себе более утомительного способа добывания денег.

Однако для местной общины Стейнтоны оказались ценным приобретением — добрые, приветливые, гостеприимные, они, не жалея ни сил, ни времени, охотно включались в организацию всяких праздников, спортивных состязаний и различных благотворительных мероприятий, пополнявших денежный фонд общины.

Но и зная все это, Вайолет никак не могла догадаться, что привело к ней Верену сегодня.

— Рада, что вы набрались терпения и дождались меня. Ужасно обидно было бы разминуться. Эди готовит нам кофе.

— Мне бы следовало предварительно позвонить, но я ехала в Релкирк, и уже по дороге мне вдруг пришло в голову, что лучше заглянуть к вам, вдруг да застану дома. Я не нарушила ваши планы?

— Нисколько, — не моргнув глазом завершила ее Вайолет. — Устраивайтесь поудобнее. К сожалению, мы сегодня еще не растапливали камин.

— И хорошо, что не затопили — в такой день камин ни к чему. Какое счастье снова увидеть солнышко!

Верена села на диван, скрестив длинные, стройные ноги. Вайолет куда менее грациозно опустилась в свое любимое широкое кресло.

Она решила сразу перейти к делу:

— Эди сказала, вы хотели со мной о чем-то переговорить...

— Мне вдруг пришло в голову, что именно вы можете мне помочь...

У Вайолет упало сердце: неужели опять какая-то ярмарка, закладка сада или благотворительный концерт и Верена попросит сейчас вязать колпаки на чайники, продавать билеты или выступать на открытии?

— Помочь?.. — слабым голосом переспросила Вайолет.

— Собственно, помощи тут особой не нужно, скорее мне нужен совет. Видите ли, я хочу устроить бал.

— Бал?

— Да. Для Кэти. Ей исполняется двадцать один год.

— Но что же я могу вам посоветовать? Я уж и не припомню, когда занималась подобными делами. Наверное, вам стоит посоветоваться с кем-то помоложе. К примеру, с Пегги Фергюсон-Кромби или с Изабел.

— Я подумала... подумала, что у вас больше опыта. Вы живете здесь дольше всех моих знакомых, и мне важно знать, одобрите ли вы мою идею.

Вайолет почувствовала некоторое замешательство; появление Эди с подносом в руках было как нельзя кстати. Эди поставила поднос на высокий столик сбоку от камина.

— Может, подать печенье? — спросила она.

— Нет, Эди, ничего больше не надо. Спасибо.

Эди удалилась. Немного погодя наверху загудел пылесос. Вайолет разлила кофе по чашкам.

— Вы сказали «бал». Что вы имеете в виду?

— Танцы, конечно. Знаете, рилы и прочие шотландские народные танцы.

Да, Вайолет знала.

— Танцы под магнитофон, в холле?

— Нет, не так. Я хочу устроить настоящий бал, с размахом. Раскинуть шатер на лужайке...

— А Энгус не побоится вылететь в трубу?

Верена оставила вопрос без внимания.

— ...и пригласить настоящий оркестр. Холл мы, конечно, тоже используем, там можно будет посидеть. И гостиную. И, я уверена, для своих лондонских друзей Кэти захочет устроить современные танцы под магнитофон. Надо подумать, какую комнату им отвести. Наверное, столовую. Соорудим там пещеру, грот...

Пещеры, гроты... Значит, Верена уже все спланировала. Она ведь прекрасный организатор.

— Так вы уже столько всего напридумывали, — заметила Вайолет.

— Кэти пригласит уйму своих друзей... придется устраивать всех на ночлег...

— Сама-то Кэти знает о вашей затее?

— Нет. Вы первая, кому я говорю.

— А если она не захочет водить хороводы и отплясывать кадрили?

— Уверена, она будет в восторге. Ей бы только повеселиться.

Да, конечно, Кэти будет в восторге, в этом Вайолет не сомневалась.

— Когда же вы предполагаете это устроить?

— Думаю, в сентябре. Самое лучшее время. В сентябре начинается охота, съезжаются все наши охотники; и еще не кончатся студенческие каникулы. Шестнадцатое сентября — вот, наверное, самый подходящий день. Еще и потому, что школьники уже разъедутся по своим пансионатам.

— Но сейчас ведь только май. До сентября еще очень далеко.

— Да, но назначить день и начать приготовления никогда не рано. Я смогу сделать заказ на шатер, договориться с поставщиками провизии, напечатать приглашения... — Верене пришла в голову еще одна блестящая идея: — Что, если вдоль подъездной аллеи развесить китайские фонарики? Как вы считаете, Вайолет?

«Грандиозные планы», — подумала Вайолет.

— Но вы представляете, сколько на все это понадобится сил и времени? — сказала она.

— По-моему, ничего особенного. Американское нашествие уже кончится — в конце августа туристский сезон закрывается, и я целиком сосредоточусь на празднике. Хорошо ведь я придумала? Ну признайте, Вайолет! К тому же я сразу отдам все светские долги. Пригласим всех, кто принимал нас, а мы так и не собрались устроить ответный прием. Включая Барвеллов.

— Барвеллов я, кажется, не знаю.

— Нет, и не можете знать. Он коллега Энгуса по службе. Мы дважды у них обедали. Умирали со скуки. А их так и не пригласили... ни разу. Не могли собраться с духом и принести в жертву кого-то из наших друзей, — с довольным видом сообщила Верена. — Да, многим мы задолжали, что и говорить. Когда я напомним об этом Энгусу, он не станет чинить препятствия, подпиная чеки.

Вайолет даже чуточку пожалела Энгуса.

— А кого еще пригласите?

— Всех! Миллбурнов и Фергюсон-Кромби, Бьюкенен-Райтов и старушку леди Уэстердейл. И Стаффордов. Все дети у них подросли, так что тоже получают приглашения. Из Гемпшира приедут Мидлтоны, из Глостершира — Луарды. Мы составили список. Я приколю на кухне, на доске для заметок, длинный листок и, как припомню кого-то еще, тут же туда впишу. И вы, Вайолет, конечно же, тоже получите приглашение. И Эдмунд с Вирджинией, и Алекса. И чету Балмерино приглашу. Изабел наверняка даст обед...

И вдруг вся эта затея показалась Вайолет очень слабой. Мысли ее обратились к прошлому, и одно за другим поплыли воспоминания.

— Вы должны послать приглашение Пандоре, — неожиданно для себя сказала она. И тут же растерялась: что это она брякнула?

— Пандоре?

— Сестре Арчи Балмерино. Понимаете, раньше, бывало, стоило кому-то подумать о празднике, как тут же, автоматически, приходила мысль о Пандоре. Но конечно, вы-то ее даже не знаете.

— Нет, знаю, слышана о ней. К кому ни придешь в гости, почему-то за столом непременно заходит разговор о Пандоре. Вы считаете, она примет приглашение? Насколько я понимаю, она не была дома уже более двадцати лет.

— Да, верно. Что это мне взбрело в голову? А впрочем, почему бы и не попытаться. Какой был бы приятный сюрприз для бедного Арчи. Если нашу странницу каким-то чудом занесет в Крой, танцы будут до утра.

— Значит, Вайолет, вы меня одобряете? Значит, в сентябре — бал!

— Одобряю. Вы прекрасно придумали, лишь бы хватило у вас сил да денег. А мы теперь будем жить в предвкушении праздника.

— Но пока что никому ни слова — я должна обработать Энгуса.

— Никому ни слова.

Верена весело улыбнулась, и ей пришла в голову еще одна счастливая мысль.

— И я куплю себе новое вечернее платье.

У Вайолет подобных проблем не было.

— Я надену мое черное бархатное, — сказала она.

2

Четверг, 12 мая

Ночи стали короткими, и сон так и не пришел. Скоро рассвет. Он надеялся, что наконец-то выспится — устал и измучился ужасно. Три дня не по сезону жаркого Нью-Йорка совершенно вымотали его, три дня, до отказа заполненные деловыми встречами за завтраком и за обедом, бесконечные обсуждения и споры во второй половине дня; слишком много кока-колы и черного кофе, каждый день приемы, сидение допоздна в ресторанах и ни глотка свежего воздуха.

Наконец дело было сделано, хотя успех дался ему нелегко. Харви Клейн оказался крепким орешком, и он не сразу убедил его, что предлагает единственный реальный путь завоевания английского рынка. Но в конце

концов Клейн одобрил его творческие замыслы, включая график работ, выставки и фотографии. Ноэль возвращался в Лондон с контрактом в кармане. Он уложил чемодан, сделал последние телефонные звонки, засунул в портфель документы и калькулятор, поговорил с Харви Клейном — тот позвонил, чтобы попрощаться, спустился вниз, расплатился за номер, остановил такси и поехал в аэропорт имени Кеннеди.

Вечерний Нью-Йорк, как всегда, являл собой сказочное зрелище — в мерцающем небе поблескивали огнями небоскребы, по шоссе магистральям текли реки светящихся автомобильных фар. Этот город щедро предлагал тебе уйму развлечений, что только душе угодно.

В прежние свои приезды Ноэль развлекался вовсю, однако на этот раз он не смог принять ни одного приглашения. Обидно уезжать, не вкусив всех удовольствий, такое чувство, что тебя выпроваживают, когда веселье еще в самом разгаре.

Такси подвезло его к терминалу «Бритиш эйрвейз». Он покорно встал в очередь, прошел контроль, освободился от лишнего багажа, снова встал в очередь — его вместе с портфелем просветили рентгеновскими лучами — и наконец-то вошел в зал отправления. Купил бутылку беспошлинного шотландского виски в ларьке, «Ньюсуик» и «Эдвертайзинг эйдж»¹ в книжном киоске. Отыскал свободное кресло, плюхнулся в него и стал ждать, когда объявят посадку.

Щедротами фирмы «Уэнборн и Уайнбург» он летел клубным классом и, слава богу, мог хотя бы вытянуть свои длинные ноги, к тому же он попросил место у окна. Ноэль снял пиджак, устроился поудобнее. Очень хотелось пить. Вдруг ему повезет и никто не займет соседнее

---

¹ «Новости недели» и «Век рекламы». — *Здесь и далее примеч. перев.*

кресло, мелькнуло в голове, однако надежда тут же угасла: появился респектабельный толстяк в синем, в узкую полоску, костюме, аккуратно разместил в верхнем отделении всевозможные пакеты и свертки и, отдуваясь, погрузился в кресло рядом с Ноэлем.

Господин занял довольно много места. В салоне было прохладно, но от соседа тянуло жаром. Он вытащил из кармана шелковый платок, промокнул лоб, стал устраиваться поудобнее и ненароком — довольно больно — ткнул Ноэля локтем.

— Ах, извините! Похоже, самолет набит битком.

Разговаривать Ноэлю не хотелось. Он улыбнулся, кивнул в ответ и демонстративно развернул «Эдвертайзинг эйдж».

Они взлетели. Подали коктейли, затем разнесли обед. Ноэль не был голоден, но отобедал, поскольку больше нечем было себя занять. Огромный «Боинг-747», равномерно гудя, летел над Атлантикой. Стюардессы унесли подносы, начали показывать фильм. Ноэль успел посмотреть его в Лондоне, поэтому попросил принести ему виски с содовой и стал медленно его потягивать. Свет в салоне притушили, пассажиры потянулись за подушками и пледами. Толстяк в соседнем кресле сложил руки на пузе и моментально захрапел. Ноэль закрыл глаза, но под веки словно набился песок, и он снова раскрыл их. В голове крутились разные мысли — мозг его три дня работал на бешеной скорости и теперь никак не мог остановиться. Нет, ему не уснуть.

Казалось бы, он должен торжествовать: заключил прекрасный контракт, причем, можно сказать, прошил все шовчики и возвращается домой победителем. Кстати, о названии «Седло и стремя». Чем чаще повторяешь это название, тем глупее оно звучит. Впрочем, сами изделия отнюдь не глупые. Чрезвычайно важные не только для Ноэля, но и для «Уэнборн и Уайнбург».

«Седло и стремя». Компания вела свою родословную из Колорадо. Несколько лет назад там начали про-

изводить высококачественные кожаные изделия для местных ранчо. Седла, сбрую, сапоги для верховой езды, отмеченные престижной торговой маркой: подкова с буквой «S» посередине.

Компания с первых же шагов хорошо себя зарекомендовала и вскоре одержала верх над всеми соперниками. Ассортимент начал расширяться, в скором времени компания уже производила и более изящные вещи: чемоданы и саквояжи, дамские сумочки, несессеры, туфли и сапоги. Все изделия ручной отделки и из превосходной кожи. Пожалуй, теперь ее фирменный знак соперничал лишь с маркой «Гуччи» или «Феррагамо», и цены были соответствующие. Слава фирмы росла, и с некоторых пор стало считаться хорошим тоном привезти из поездки в Штаты сумку или ремень фирмы «Седло и стремя».

А потом прошел слух, что «Седло и стремя» продвигается на британский рынок и устанавливает связь с некоторыми тщательно отобранными лондонскими магазинами. Начальник Ноэля, Чарльз Уайнбург, случайно услышал об этом на одном из званых обедов. На следующее утро Ноэль, вице-президент фирмы и директор отдела рекламы, был приглашен на утренний брифинг.

— Я хочу их заполучить, Ноэль. Пока только горстка людей в нашей стране слышала о «Седле и стремях», компании понадобится хорошая реклама. Мы начинаем действовать первыми, и, если ввезем их в Англию, они будут у нас в руках. Вчера ночью я звонил в Нью-Йорк и разговаривал с президентом компании Харви Клейном. Он готов с нами встретиться, но хочет, чтобы мы продемонстрировали всю рекламу. В вашем распоряжении две недели. Свяжитесь с Департаментом искусств, постарайтесь разработать что-то вместе с ними. И бога ради, найдите фотографа, у которого мужчина выглядел бы как мужчина, а не как манекен

в витрине магазина. Отыщите настоящего игрока в поле. Если он то, что надо, и будет на высоте, я за ценой не постою...

Вот уже девять лет Ноэль Килинг работал на фирму «Уэнборн и Уайнбург». Девять лет — немалый срок для рекламного дела, а Ноэль продолжал работать все в той же фирме и время от времени сам удивлялся, что ему по-прежнему сопутствует успех. Его коллеги-ровесники давно уже ушли кто куда, кто-то в другую компанию, кто-то даже открыл собственное агентство. А Ноэль оставался все в той же фирме.

Постоянство это объяснялось главным образом обстоятельствами его личной жизни. Если вспомнить, через год или два после поступления в фирму «Уэнборн и Уайнбург» Ноэль всерьез подумывал о перемене места работы. Его одолевало беспокойство, он чувствовал неудовлетворенность, работа его не очень-то увлекала. И он предавался радужным мечтам: вообще бросить рекламу и завести какое-то собственное дело, допустим заняться продажей земли или товаров широкого потребления. В голове его рождались грандиозные планы, только вот денег не было, и он вынужден был смириться с тем, что есть. Порой им овладевало отчаяние — столько упущенных возможностей!

А потом, четыре года тому назад, все переменялось, и довольно драматичным образом. Ноэлю минуло тридцать, он все еще оставался холостяком, одна подружка сменяла другую, его это вполне устраивало, и непохоже было, что он вообще когда-либо изменит свой образ жизни. Но тут вдруг умерла его мать, и впервые в распоряжении Ноэля оказались деньги.

Умерла она неожиданно, и это было таким ударом, что какое-то время он никак не мог поверить, что она навсегда ушла из его жизни. Он любил ее, хотя и не предавался сентиментальности и не демонстрировал

свою привязанность, но, если сформулировать более точно, мать была для него не только постоянным источником пищи насущной, не только снабжала его чистой одеждой, предоставляла теплую постель, но и, когда он просил, оказывала моральную поддержку. Он уважал мать за то, что она твердо стояла на страже собственной независимости, и высоко ценил ее неукоснительное правило: никогда, ни в какой форме не посягать на его, Ноэля, личную жизнь. Однако многое в ее поведении его просто бесило. Самое худшее было то, что она вечно окружала себя какими-то неудачниками и просто любителями поживиться за чужой счет. Каждый встречный-поперечный становился ее другом. А Ноэль всех их называл приживалами. Она не обращала ровно никакого внимания на его циничные замечания, и, словно мотыльки на огонь, к ее очагу слетались одинокие старые девы и вдовы, нищие художники и безработные актеры. Всем им она старалась помочь, и Ноэль считал, что это так же глупо, как и эгоистично с ее стороны, поскольку свободных денег в семье не было, их не хватало даже, как считал Ноэль, на самое необходимое.

Эта бездумная щедрость отразилась и в ее завещании. Большая сумма денег была оставлена совершенно чужому парню, не имеющему никакого отношения к их семье... Почему-то она пригрела его и почему-то захотела ему так щедро помочь.

Для Ноэля это был жестокий удар. Чувства его были глубоко уязвлены, понес значительный ущерб и его карман. Он никак не мог забыть об этом бессмысленном даре, но что толку было сожалеть и злиться — мать ушла. Он не мог высказать ей свое мнение по этому поводу, обвинить ее в предательстве, потребовать объяснений. Она ушла, она была вне досягаемости. Она где-то там, за бездонной пропастью или за рекой, которую не переплыть, на солнечной поляне или под сенью деревьев — как там ей представлялось Царство Небесное? — ей не страшен его гнев, и ее ничуть не трогают его упре-

ки и притязания. Она, быть может, втайне подсмеивается над своим сыном, и глаза у нее лукаво поблескивают.

Тогда он отвернулся от семьи — собственно, ему некого было огорчать, кроме двух сестер, и сосредоточился на работе — единственной устойчивой части своей жизни. К собственному удивлению, а также к удивлению своего начальства, он обнаружил — и как раз вовремя, — что работа в рекламе, оказывается, ему очень интересна и он делает ее отличнейшим образом. К тому времени, когда все формальности с оставленным матерью наследством были завершены и его доля благополучно положена в банк, юношеские фантазии о том, как он вдруг разбогатеет, пустившись в крупную игру или придумав что-то совершенно необыкновенное, перестали занимать Ноэля. Одно дело манипулировать чьими-то чужими деньгами, и совершенно другое — пускаться в авантюры с собственными. Он заботился о своем банковском счете, словно о ребенке малом, и ему даже в голову не приходило подвергать его хотя бы малейшему риску. Позволил он себе лишь один расход — купил автомобиль и осторожно начал устраиваться в своей новой жизни...

Юность кончилась, теперь текла повседневная жизнь со всеми ее трудностями. Мало-помалу Ноэль принял ее условия, а также понял, что его последняя обида на мать постепенно отступает. Что толку в запоздалых сожалениях, они ничего не дают. Да и надо быть справедливым: он тоже что-то получил, причем не так уж мало. К тому же горе его было неподдельно, ему очень недоставало матери. В последние годы, с тех пор как она уединилась в своем новом доме в Глостершире, он редко с ней виделся, но все же она всегда была там — на другом конце телефонного провода либо в конце долгого пути, когда вдруг почувствуешь, что не в состоянии ни минуты больше переносить раскаленные улицы летнего Лондона. И не имело ровно никакого значения, приедешь ты на уик-энд один или с друзьями. Место

в доме матери находилось для всех, всех ждал радушный прием и вкусная еда, все было легко и приятно, и тебя не заставляли стричь газон или копать грядки.

В камине потрескивали поленья, цветы в вазах источали нежнейший аромат, гости могли насладиться горячей ванной, их ждали мягкие постели, отличные вина и приятная беседа.

Все ушло. Дом и сад проданы чужим людям. И вкусный аромат кухни, и приятное чувство, что кто-то о тебе заботится и тебе не надо ни о чем думать, — все ушло. Ушло с единственным на свете человеком, с которым тебе не надо было играть и притворяться. Ну да, она злила его своими причудами, но вот ее не стало, и в жизни его, в самой ее сердцевине, теперь точно дыра с рваными краями, и он должен признать — к этому не так легко привыкнуть.

Ноэль вздохнул. Кажется, все это было давным-давно. В другом мире. Он допил виски и устремил взгляд в темное окошко. Когда ему было четыре года, вспомнил Ноэль, он заболел корью, с вечера его мучила бессонница, и казалось, ночь тянется бесконечно, минута длится целый час, а до рассвета — вечность.

Вот и теперь, тридцать лет спустя, он ждал рассвета. Небо посветлело, и из-под облака на лжегоризонте выскользнуло солнце, окрасив все вокруг в такой яркорозовый цвет, что стало больно глазам. Исполненный чувства благодарности, Ноэль смотрел сквозь окошечко самолета на рассвет: хорошо, что он прогнал ночь и наступил новый день и не нужно больше стараться заснуть. Вокруг него зашевелились в своих креслах люди. Стюардессы разносили апельсиновый сок и горячие влажные полотенца. Ноэль приложил полотенце к лицу и почувствовал сквозь него щетину на подбородке. Кое-кто из пассажиров, достав несессер, отправился в туалет бриться. Ноэль не двинулся с места — он побреется дома.

Что он и сделал три часа спустя. Усталый, грязный, в мятом костюме, он расплатился с шофером и вылез из такси. Утро было прохладное, моросил мелкий дождичек — райское блаженство после Нью-Йорка. В Пембрук-Гарденс зеленели деревья, блестели мокрые мостовые. Ноэль поглубже вдохнул свежего воздуха и с минуту постоял. Хорошо бы провести сегодняшний день дома. Прийти в себя, поспать немножко, потом отправиться на долгую прогулку. Увы, это не для него. Дел сегодня по горло. И председатель фирмы ждет. Ноэль подхватил чемодан, спустился по ступенькам и открыл дверь своей квартиры.

Она называлась «квартира с садом», поскольку в глубине ее балконная дверь вела в крошечное патио — частичку большого сада, примыкавшего к дому. По вечерам патио было освещено солнцем, но в этот ранний час садик лежал в тени, а на одном из шезлонгов, свернувшись уютным клубочком, дремал соседский кот; небось сладко проспал здесь всю ночь.

Квартирка небольшая, но комнаты просторные. Гостиная и спальня, маленькая кухня и ванная. Гости, остававшиеся на ночь, спали на диване, который при необходимости раскладывался в двуспальную кровать. Приходящая прислуга миссис Маспретт, судя по всему, побывала здесь совсем недавно — квартира блестела чистотой, хотя было душно.

Ноэль распахнул балконную дверь и согнал с шезлонга кота. Затем прошел в спальню, раскрыл чемодан и вынул из него несессер. Разделся. Мятая, пропотевшая одежда так и осталась лежать кучкой на полу. Он направился в ванную, почистил зубы, принял горячий душ, побрился. Теперь он жаждал кружку черного кофе. Босой, в банном халате, он прошлепал на кухню, наполнил чайник, поставил на газ и отмерил кофе в свой французский кофейник. Аромат был восхитительный,

у Ноэля даже потеплело на сердце. Пока кофе фильтровался, Ноэль собрал почту и, сев за кухонный столик, перебрал конверты. Кажется, ничего срочного. Но что это за яркая открытка с видом Гибралтара? Он перевернул ее. Опущена она была в Лондоне, а подписана женой Хьюго Пенningтона, старого школьного друга Ноэля. Они живут в Челси.

Ноэль!

Пыталась тебе дозвониться, но никакого ответа. Если не сообщишь нам, что тринадцатого занят, ждем тебя к ужину. От половины седьмого до восьми. Смокинг не обязателен.

С приветом, Делия

Ноэль вздохнул. Тринадцатого! «Если не сообщишь нам...» А впрочем, не надо будет вечером думать, где бы поесть. Да и веселее, чем смотреть телевизор. Он бросил открытку на стол, не без усилия поднялся и налил себе кофе.

Весь день Ноэль провел в офисе и за отчетами и совещаниями совсем потерял представление о том, что творится за стенами дома. Выйдя наконец в час пик на свет божий и ползя в потоке машин со скоростью змеи, страдающей тяжелой формой артрита, он обратил внимание на то, что утреннего дождя нет и в помине. Вел легкий ветерок, и майский вечер сиял свежестью. Прежняя усталость прошла, Ноэль был в том прекрасном настроении, когда все легко и ясно. О том, чтобы пораньше лечь спать, и речи быть не могло, сон был где-то далеко-далеко, как сама смерть. Вместо того чтобы залечь на боковую, Ноэль еще раз принял душ, переоделся и выпил полстаканчика виски с содовой, а потом пешком отправился в Челси. Свежий воздух и ходьба пойдут на пользу, он нагуляет аппетит, а еда, надо

надеяться, его ждет вкуснейшая. Ноэль уже и не помнил, когда он в последний раз садился за стол и ел что-то, кроме сэндвичей.

Хорошо, что он решил пройтись пешком. Ноэль не спеша шагал по тихим зеленым улицам, мимо фешенебельных особняков, по стенам которых вилась глициния, а за оградой распускала свои роскошные цветы магнолия. Выйдя на Бромптон-роуд, он перешел на другую сторону и свернул на Уолтон-стрит. Здесь Ноэль умерил шаг, то и дело останавливаясь перед изысканными витринами. В художественной галерее продавались эстампы со спортивными и охотничьими сюжетами: мчалась лисья охота, скользили по Темзе восьмерки, на картинах маслом неслись по снегу с фазаном в зубах верные лабрадоры. Он мечтал приобрести Торнбурна и долго стоял, любуясь его картиной. Может, завтра позвонить и справиться о цене... Ноэль двинулся дальше.

Когда он дошел до Овингтон-стрит, на часах было без двадцати пяти восемь. Вдоль тротуаров выстроились в ряд машины обитателей квартала, а по середине улицы гоняли на велосипедах подростки. Дом Пенningтонов стоял в глубине квартала. Ноэль был уже почти у цели, когда на тротуаре появилась девушка, она шла ему навстречу с белым шотландским терьером на поводке. Судя по всему, к почтовому ящику, поскольку в руках держала конверт. Ноэль скользнул по ней взглядом. Синие джинсы, серый свитер и волосы цвета абрикосового джема. Невысокая и не сказать, чтобы очень тоненькая. Решительно не в его вкусе. И все же, когда она прошла мимо, он оглянулся: что-то в ней было знакомое, но где он мог ее встречать? Может, на какой-то вечеринке? Волосы у нее, конечно, приметные.

Прогулка все же несколько утомила его, и очень хотелось пить. Вот сейчас он и попьет. Ноэль забыл о девушке, поднялся по ступенькам, нажал кнопку звонка

и взялся за ручку двери с готовым приветствием на устах: «Привет, Делия! Вот и я».

Но дверь не открылась. Странно. Делия знает, что он вот-вот явится, обычно она оставляла дверь на задвижке. Ноэль снова позвонил. И подождал.

Тишина. Они должны быть там, говорил себе Ноэль, но уже знал, что никто не отзовется на звонок, что Пеннингтонов, чтоб им пусто было, нет дома.

— Послушайте...

Ноэль отвернулся от негостеприимной двери. Внизу, на тротуаре, стояла та самая девушка с собакой, они возвращались от почтового ящика.

— Да?

— Вы к Пеннингтонам?

— Они пригласили меня к ужину.

— Но их нет. Я видела, как они уезжали.

Ноэль хмуро молчал. Подтвердилось то, что он уже и сам знал. В дурацкое он попал положение, ничего не скажешь. Настроение у него стало преотвратное, и его раздражение неизбежно обратилось на девушку. Обычная история, когда тебе сообщают что-нибудь неприятное. Наверное, средневековым гонцам приходилось несладко, подумал он. Того гляди лишишься головы или тебя засунут вместо ядра в какую-нибудь чудовищную катапульту.

Хоть бы она ушла поскорее. Но девушка не уходила. «А, чтоб тебя!» — мысленно выругался Ноэль. Потом, смирившись, сунул руки в карманы и спустился к ней.

— Ужасно глупо, когда такое случается, — сочувственно сказала она.

— Понять не могу, в чем дело.

— Еще хуже, когда приходишь не в тот вечер и оказывается, что хозяйева вовсе тебя не ждут, — бодрым тоном продолжала девушка, как видно решив его утешить. — Однажды я так и пришла, ужасно было неловко. Перепутала дни.